

Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе¹

Ангелина Сергеевна Ващук,

доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: va_lina@mail.ru

Лариса Александровна Крушанова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: larchie@list.ru

В статье на материалах дальневосточного региона рассматривается разностороннее и противоречивое социальное влияние антиалкогольной кампании на советское общество. Показаны последствия реформ: с одной стороны, это сохранение жизни и здоровья людей, предотвращение преступлений, а с другой — усиление роли работников торговли, вовлечение новых граждан в теневое производство алкоголя. Впервые в научный оборот вводятся сведения о привлечённых к ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства в дальневосточном регионе, в т.ч. за незаконное производство алкогольных напитков.

Ключевые слова: перестройка, антиалкогольная кампания, трансформация, социальные изменения в СССР, Дальний Восток.

Anti-alcohol policy in the USSR in the period of Perestroika and its consequences in the Far East.

Angelina Vaschuk, Prof., Head in the Department of social and political studies Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

Larisa Krushanova, Ph.D., Researcher in the Department of social and political studies Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

In article on materials of the Far East region versatile and inconsistent social influence of antialcoholic campaign on the Soviet society is considered. Manifestations of consequences of reforms on such parties as life and human health preservation, prevention of crimes, but with another — strengthening of a role of workers of trade, involvement of new citizens in shadow production of alcohol are shown. For the first time data are introduced into scientific circulation about attracted for violation of the antialcoholic legislation in the Far East region, including for illegal production of alcoholic beverages.

Keywords: Perestroika, antialcoholic campaign, transformation, social changes of the USSR, Far East.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-01-00199 «Социальные трансформации и процессы модернизации на Дальнем Востоке 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь».

Цель данной статьи — исследовать антиалкогольную кампанию в рамках социальных реформ М.С. Горбачёва и его единомышленников, выявить роль этой кампании как способа решения главной задачи перестройки — укрепления дисциплины, проанализировать характер социальных последствий в дальневосточном регионе в 1985—1991 гг. и показать непредвиденные реформаторами результаты.

В зарубежной и отечественной историографии пьянство как социальное явление изучено достаточно полно. Особый интерес отечественных исследователей наблюдался в те периоды, когда власть активно боролась с пьянством и самогоноварением [7; 11; 12; 16; 20; 23; 24; 25]. В советской истории такие кампании были в 1929, 1948, 1958, 1960, 1961 и 1972 гг. Авторы в своих работах делали основной акцент на общественном вреде пьянства. В постсоветское время проблема утратила актуальность, однако в последнее десятилетие интерес к ней возрождается: исследователи стремятся проанализировать экономические последствия антиалкогольной политики Горбачёва. Среди трудов о социальных последствиях антиалкогольной кампании отметим работы А.В. Шубина [22], А.Г. Кирющенко и Н.Ф. Петровой [10], коллективный труд под редакцией Д.А. Халтуринной и А.В. Коротаева [2] и др. [13].

Продолжая и углубляя идеи этих авторов, мы обратились к названной проблеме с учётом фактора вхождения дальневосточного региона в число территорий СССР, где показатели вреда от алкоголя были выше общероссийских. Это уже рассматривалось в коллективном труде и статье А.С. Ващук [3; 8]. Исследование антиалкогольных мер и их последствий в отдельном регионе значительно расширяет знание о трансформационных процессах в позднесоветском обществе.

В СССР антиалкогольное законодательство окончательно оформилось к началу 1970-х гг. Тогда власть дважды обращала внимание на существовавшую проблему: сначала в русле возможного принудительного лечения совершивших преступление лиц, страдающих алкогольной зависимостью (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июля 1971 г. «О внесении изменений в статью 62 Уголовного кодекса РСФСР»); затем было инициировано сокращение производства алкогольных напитков путём принятия Постановления Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», в котором приведён перечень мер по снижению пьянства, в т.ч. предписывалось прекратить производство для продажи населению водки с содержанием спирта 50% и 56%, а также водки и крепких водочных изделий в расфасовке 0,1 и 0,05 л.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» вводилась уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство, обязательным стало принудительное лечение алкоголиков, признанных судом таковыми. Однако на Дальнем Востоке эти меры не принесли

желаемых результатов. В 1980 г. потребление алкогольных напитков в расчёте на душу населения даже по официальным данным на всей территории региона было выше, чем в среднем по РСФСР (соответственно 13,2 л и 10,5 л в год, а на Сахалине доходило до 17,4 л) [17, с. 45]. При этом не сокращалась и численность людей, нарушивших антиалкогольное законодательство (табл. 1).

Таблица 1

Численность лиц, привлечённых к ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства в 1975—1980 гг.

	1975	1980	% роста в 1980 к 1975 г.
Приморский край	79 947	112 684	41,0
Хабаровский край	68 246	85 873	25,8
Амурская область	28 452	30 844	8,4
Камчатская область	12 101	29 129	240,7
Магаданская область	26 255	26 261	0,0
Сахалинская область	41 533	50 794	22,3
Итого по Дальнему Востоку	256 534	335 585	30,8
РСФСР	5 703 610	7 571 496	32,7

Таблица составлена Л.А. Крушановой на основе: ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 270. Л. 8—12; Д. 495. Л. 8—12.

Число лиц, привлечённых к ответственности за нарушение законов по борьбе с пьянством, значительно возросло за сравнительно небольшое время. В целом по региону эти показатели были немного ниже, чем по РСФСР, но в Приморье и на Камчатке они существенно превышали общероссийские цифры.

К началу 1980-х гг. пьянство как социальное явление охватило всё советское общество — от рядовых рабочих и крестьян до директоров предприятий и руководителей краёв и областей среднего уровня. В 1980 г. 40 млн чел. употребляли в день как минимум 350 г водки [13]. Расходы на покупку алкоголя ежегодно росли (при стабильных ценах на него). Например, в Ханкайском районе Приморского края в 1981 г. было куплено водки, вина и т.д. (в подушевом исчислении) на сумму 308 руб., в 1982 г. — на 332 руб. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 49. Л. 29]. Если исходить из того, что бутылка водки стоила 3,62 руб., то получится, что в 1981 г. каждый житель района выпивал 42,5 л, а в 1982 г. — 45,8 л (подсчитано авторами).

Среди мер по борьбе с пьянством власть выдвигала на первый план административные средства. В РСФСР сотрудники органов милиции задержали, доставили в отделения внутренних дел и опорные пункты в 1980 г. 7 571 496 чел. Было оштрафовано 4 398 245 чел. Материалы на 1 634 781 чел. (за распитие напитков или появление в пьяном виде в общественных местах) направили на рассмотрение общественности. Среди

привлечённых к административной ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства подавляющая часть приходилась на долю мужчин (почти 96%). Доля женщин и подростков оказалась незначительной — соответственно 2,9% и 1%. Особое внимание уделялось выявлению пьяниц в партийной среде. Так, в поле зрения ОВД на улице или в общественных местах попали 71 499 партийцев и будущих партийцев в состоянии алкогольного опьянения [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 495. Л. 8—12]. В воспитательных целях активизировали работу медвытрезвителей. В 1980 г. в эти учреждения в Хабаровском крае поместили 47,8 тыс. чел. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 6], в 1981 г. — 62 тыс. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 109. Д. 215. Л. 88]. В 1981—1983 гг. в Уссурийске, где в те годы проживало около 170 тыс. чел., ежегодно в спецмучреждения доставляли 8 тыс. чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 60. Л. 1—1 об.]. Всего в 1984 г. на улицах российских городов и посёлков задержали более 9 млн чел. [22, с. 35].

Масштабы распространения алкоголизма политиками тех лет оценивались уже как угроза демографическому развитию и существованию Советского государства [8, с. 252—257]. Смертность от алкоголизма уносила ежегодно жизни 600—700 тыс. чел. [1]. Потребление вина и водки в 1984 г. достигло в среднем 10,6 л/год, включая грудных детей [5], а с учётом потребления самогона — 14,2 л/год [21], что превышало в 2—3 раза аналогичные показатели в Швеции (5,2 л), Финляндии (6,6 л) и Великобритании (7,2 л) [1]. В 20 российских регионах (в т.ч. на Дальнем Востоке) потребление достигало порой 30 л чистого спирта [4].

Задуманные преобразования, направленные на усиление дисциплины и сокращения потребления алкоголя, при Ю.В. Андропове не удалось реализовать. В СССР в 1984 г. доля расходов на приобретение алкоголя в бюджетах семей составляла 10%, в то время как в других странах эти же расходы были в разы меньше: в США — 1,4%, в Великобритании — 2%, в Канаде — 3,3%, в Японии — 0,6% [13].

Государство в который раз столкнулось с дилеммой: борьба с алкоголем вступала в противоречие с ролью, которую играли доходы от его продажи в бюджете. Если же говорить об объёме продаж, то на Дальнем Востоке они были высокими в Магаданской области, на Камчатке и Сахалине. Так, каждый житель Сахалина в 1984 г. купил 16,7 л в пересчёте на абсолютный алкоголь [ГАСО. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 49. Л. 1]. Монополия государства на продажу винно-водочных изделий обеспечивала поступление в бюджет около 50 млрд руб. в год.

Однако у этих цифр есть и обратная сторона: потери от употребления алкоголя (прогулы, болезни, травмы, брак) по разным оценкам составляли от 175 млрд [4] до 300 млрд руб. (в ценах 1980 г.), а ущерб от пьянства в 3—6 раз превышал поступления в бюджет от продажи алкоголя [10], и это не считая социальных последствий — распада семей, роста безотцовщины и преступности и т.д. К 1985 г. в стране насчитывалось 5 млн только зарегистрированных алкоголиков, но, по оценкам врачей-наркологов,

реальное количество сильно пьющих превышало в 5 раз официальные показатели (на каждого выявленного ещё пять человек оставались в тени).

С приходом к власти М.С. Горбачёва проблема пьянства и алкоголизма на государственном уровне была поднята вновь. Перестройка стала не только продолжением социальных преобразований, но и настоящим апогеем борьбы с пьянством в СССР. Эта антиалкогольная кампания вошла в историю как одно из стартовых мероприятий горбачёвских реформ. 7 мая 1985 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», подтвердившее курс антиалкогольной кампании 1972 г. Через 11 дней, 16 мая, т.е. день в день, но спустя 13 лет после указа Брежнева, в 1985 г. был принят Указ Верховного Совета СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». Продажа водки и коньяка в специализированных магазинах или отделах должна была осуществляться только в строго указанное время: в рабочие дни — с 14.00 до 19.00 ч.

Самым сильным ударом для пьющей и выпивающей части населения и страдающих от этого членов их семей стало повышение розничной цены на алкогольную продукцию. На крепкие спиртные напитки, например на водку, рост цен за 3 года (с 1983 по 1985 г.) составил 30% за пол-литра (в 1981 г. за него платили 3,62 руб. в 1983 г. — 4,70 руб. и 5,20 руб. в 1985 г.). Это ударило по материальному положению семей, в которых были пьющие, тем самым ещё больше ухудшив в них морально-психологический климат.

Антиалкогольная кампания началась с реализации правил торговли алкогольной продукцией, введённых ещё в 1972 г., но очень часто нарушаемых. Административные наказания стали весьма активно использоваться после принятия постановления от 7 мая и указа от 16 мая 1985 г. В этой части перестройка была не внедрением чего-то нового, а усилением политического контроля дисциплины и исполнения закона. Выступая на Пленуме 23 апреля 1985 г., М.С. Горбачёв заявил: «Особенно актуален сегодня вопрос об укреплении порядка и дисциплины...» [14]. Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» было принято одновременно с законом «О госприёмке».

Органы власти весьма рьяно начали бороться с пьянством административными мерами. В РСФСР за нарушение антиалкогольного законодательства к ответственности в 1980 г. привлекли 7 571 496 чел., в 1985 г. — 9 646 627 чел., в 1990 г. — 6 705 937 чел. [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 495. Л. 8—12; Д. 855. Л. 74—76; Д. 293. Л. 13—15]. В Приморском крае за три года (с 1984 по 1986 г.) регистрация нарушений закона выросла в 34 раза: 35 чел. — в 1984 г., 131 чел. — в 1985 г., 1204 чел. — в 1986 г. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 7. Л. 36; Д. 10. Л. 55; Д. 13. Л. 23; Д. 20. Л. 13]. На Сахалине в 1988 г. привлекли к штрафу 27 840 чел. На 13,2% (в 1987 г. — 2507 чел., в 1988 г. — 2838 чел.) выросло число лиц, задержанных при управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения [ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 7].

В то же время важно подчеркнуть, что антиалкогольные меры, как часть социального реформаторства Горбачёва, имели некоторые нововведения. Во-первых, был увеличен возраст, по достижении которого разрешалось покупать и употреблять алкоголь, — с 18 до 21 года. В 1988 г., как и на сахар, были введены талоны на покупку алкоголя, исходя из расчёта по 2 бутылки в «руки» в месяц: либо 1 л водки или коньяка, либо 1,5 л вина или шампанского. Следующим шагом властей стало сокращение количества магазинов, реализующих крепкие напитки. На некоторое время эта акция приостановила потребление алкоголя населением и даже позволила снизить показатели преступности в среднем по стране. Введение талонов даже способствовало незначительному сокращению расходов на алкогольные напитки в структуре семейных бюджетов [6, с. 33, 41].

Однако в торговой сети Дальнего Востока, как и в других российских регионах, результаты оказались противоположны задуманному эффекту. Повсеместно началась погоня за показателями выполнения и перевыполнения планов по закрытию магазинов, от хозяйственников требовали сокращения производства спиртного и увеличения выпуска лимонадов и соков [22, с. 35]. Оказалось, что навести порядок в торговой сети — дело не такое простое. Первые итоги комплекса мер по борьбе с пьянством политическое руководство страны стало подводить уже в 1988 г. 12 октября Политбюро ЦК КПСС приняло Постановление «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом» [18], в котором признало провал антиалкогольной кампании. В истории политической культуры такое публичное заявление партийной власти фактически было новым явлением, кроме того, эта кампания внесла свою лепту в процесс дистанцирования общества от власти.

С конца 1988 г. начались незначительные послабления в розничной торговле винно-водочной продукцией. Бюджетный дефицит, высокая смертность от спиртосодержащих промтоваров, не предназначенных для употребления, рост теневых доходов от спекуляции водкой и самогонкой, а также остро проявившиеся социальные, экономические и политические проблемы в СССР вынудили власть отказаться от антиалкогольных мер. В 1989 г. было сформировано новое правительство СССР, которое возглавил Н.И. Рыжков, оно было ориентировано на проведение экономических реформ и новые принципы управления. Правительство Н.И. Рыжкова выдвинуло концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике, разработанную «комиссией Абалкина». Розничной торговле алкоголем позволили наращивать продажу спиртных напитков, что и проявилось на многих дальневосточных территориях. «Во всех районах области кроме Охинского и Анинского районов увеличилась продажа спиртных напитков», — писал прокурор Сахалинской области [ГАСО. Ф. П-34. Оп. 159. Д. 84. Л. 8], особенно в сельских магазинах, где торговля после 1985 г. почти замерла, поскольку более половины её объёмов составляла водка [4].

Даже действия контролирующих органов не всегда были эффективными. Привлечение нарушителей правил торговли спиртными напитками к административной ответственности (ст. 147 КоАП РСФСР) довольно часто превращалось в «декоративную процедуру» для отчётности. Реформы Горбачёва не были лишены этого советского атрибута. Тем не менее по ст. 147 КоАП РСФСР органы правопорядка привлекли к ответственности в 1990 г. в Приморском крае 144 чел., в Хабаровском крае — 159 чел., в Амурской области — 86 чел., Камчатской области — 4 чел., в Магаданской области — 14 чел., на Сахалине — 58 чел., в РСФСР — 12 265 чел. из числа работников предприятий торговли и общепита. К концу пятилетия реформы во всех дальневосточных краях наблюдались тенденции сокращения привлечения к ответственности торговых работников и уменьшение регистрируемых административных правонарушений по сравнению с 1989 г.: в Хабаровском крае — на 44%, в Магаданской области — на 36,4%, по сравнению с которыми в Амурской и Сахалинской областях снижение было более скромным — на 1,1% и 1,7% соответственно. В РСФСР — 11,3%. Исключением оказалось Приморье, где рост составил 27,4% [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 293. Л. 46—48].

Нарушения трудовой дисциплины, несоблюдение норм поведения в быту влияли на духовное состояние перестроечного общества. Значительная часть советских людей, употреблявших в больших количествах спиртное, была далека от больших дел перестройки. Пьющие мужья и отцы, получая аванс и зарплату, в короткий срок их пропивали. В повседневной жизни часто можно было наблюдать ситуации, когда жёны стояли возле проходной и старались тут же отобрать деньги, полученные их мужьями. Партийные органы страны призвали суды активно применять практику удовлетворения заявлений об ограничении дееспособности. Так, на Сахалине в 1987 г. суды удовлетворили 84 заявления, в 1988 г. — 83. Кроме того, 80 чел. лишили родительских прав [ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 3, 4, 9]. Среди всех осуждённых в Приморском крае на долю «алкоголиков» приходилось 24%. В 1990 г. в суды Дальнего Востока направили 932 материала об ограничении дееспособности, в том числе в Приморском крае — на 797 чел., в Хабаровском крае — на 101 чел., Амурской области — на 21 чел., на Камчатке — на 2 чел., в Сахалинской области — на 11 чел. В Магаданской области материалов не поступало [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 293. Л. 36—38], но это вовсе не означало, что там всё было благополучно.

В борьбе с пороком административные и правоохранительные органы использовали традиционную форму — принудительное (по решению суда) лечение. Во многих городах Дальнего Востока продолжали функционировать лечебно-трудовые профилактории (ЛТП). В Приморском крае в 1985 г. (в первый год перестройки) в такие учреждения было направлено 3453 чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 60. Л. 1—1 об.], в Сахалинской области — 416 чел. [ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 4]. Однако

массовость была значительно шире, и охватить лечением всех алкоголиков ни власть, ни общество не могли: не имели ресурсов и/или желания. В справке об организации борьбы с пьянством, алкоголизмом и наркоманией в Ханкайском районе секретарь краевого координационного совета профилактики правонарушений В. Козлов писал: «В районе более 350 алкоголиков, лечим 45—60» [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 49. Л. 27, 45]. В 1990 г. на учёте в дальневосточных ОВД состояло 55 507 хронических алкоголиков, в том числе 237 несовершеннолетних [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 293. Л. 36—38].

На ужесточение антиалкогольного законодательства люди реагировали по-разному. Если в семьях, где были пьющие мужья и сыновья, обеими руками поддерживали эти меры, то в скором времени значительная часть населения стала им противиться, поскольку они противоречили установившимся повсеместно нравам и традициям. Различные мероприятия, будь то свадьба, рождение ребёнка, похороны или поминки, не обходились без алкоголя.

Антиалкогольная кампания в российских регионах усиливала социальную роль профессиональной группы советского общества, задействованной в общей системе распределения всех материальных благ. Существовавшая система розничной продажи алкоголя до 1987 г. для решения таких вопросов развивала форму «блата», а с 1988 г. — «суперблата». Социальный статус людей, находившихся на определённом уровне распределительной пирамиды, позволял им «обходить» талонную систему и, деформируя легальную систему доходов, усиливать теневой сектор распределения. Те же, кто такого блата не имел или находился вне распределительной системы, а это подавляющая часть добропорядочных советских граждан, вынуждены были прибегать к услугам спекулянтов.

Изменения в социальной среде в годы перестройки как в зеркале отражаются в сведениях о появлении нового вида правонарушения, в том числе и в дальневосточном регионе — мелкой спекуляции винно-водочной продукцией. До 1985 г. это правонарушение ввиду доступности алкоголя была неактуальным. Если за год (с 1989 по 1990 г.) количество зафиксированных фактов нарушения правил торговли алкогольными напитками уменьшилось, то случаи спекуляций ими, наоборот, увеличились (см. табл. 2).

В РСФСР за пятилетний период число граждан, привлечённых за мелкую спекуляцию, выросло в 2,5 раза, в Приморье — в 3 раза, в Хабаровском крае — в 2,8 раза. Если в 1985 г. в Амурской области не было ни одного случая, то в 1990 г. выявлено уже 23 факта. На Камчатке и в Магаданской области произошло снижение — в 10 и 4 раза соответственно. В Сахалинской области, согласно официальной статистике, ситуация сохранилась без изменений (такие данные в определённой степени наталкивают на мысль, что органы власти по этой линии не работали). Проведённые в 2013 г. полевые исследования А.С. Ващук дают основания

Таблица 2

Численность лиц, привлечённых к административной ответственности за мелкую спекуляцию спиртными напитками на Дальнем Востоке в 1985—1990 гг.

	1985	1990
Приморский край	45	136
Хабаровский край	68	190
Амурская область	-	23
Камчатская область	10	1
Магаданская область	15	4
Сахалинская область	28	28
РСФСР	12 306	29 418

Таблица составлена Л.А. Крушановой на основе: ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 855. Л. 74—76; Оп. 3. Д. 293. Л. 46—48.

утверждать, что население Сахалинской области не являлось исключением из общего правила, поскольку, по опросам местных жителей, на этой территории также осуществлялась спекуляция алкоголем [Текущий архив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Отчёт о полевых исследованиях 2013 г.].

Тем не менее в 1985—1989 гг. потребление алкогольных напитков (приобретённых через торговую сеть) в расчёте на душу населения в дальневосточном регионе снизилось: на Камчатке, в Хабаровском и Приморском краях, Амурской области оказалось ниже среднего показателя по РСФСР [17, с. 45]. (Потребление суррогатных напитков не входило в официальную статистику, и здесь нужны дополнительные исследования.)

Параллельно с таким результатом в годы перестройки были последствия и для распределительной системы: расширялась группа людей, которая получала неучтённые доходы. Как показывают источники, далеко не все привлечённые к административной ответственности за спекуляцию винно-водочной продукцией являлись работниками торговли. Это была новая волна «шаровиков» (от «шара», аналог слову «шабашники», термин применялся в отношении лиц, имевших дополнительный заработок за счёт эксплуатации личного автомобиля). Таксисты, имевшие «блат» среди продавцов и зачастую сотрудничавшие с ними, без особых проблем реализовывали по завышенной цене дефицит на своей работе, чаще всего в ночное время суток. Стоимость такой бутылки составляла, например в городах и посёлках Приморского и Хабаровского краёв, 10 руб., т.е. была в два раза выше, чем в государственной торговле, а в отдалённых населённых пунктах, где спрос существенно превышал предложение, — уже в три раза.

Перестройка требовала активизации деятельности органов милиции, что традиционно для всего советского периода включало в себя: увеличе-

ние количества рейдов по выявлению лиц, изготовлявших и сбывавших алкогольную продукцию, с последующим их привлечением уже к уголовной ответственности. Такие меры давали единичные результаты. Так, в Приморском крае до начала антиалкогольной кампании 1985 г. по ст. 158 УК РСФСР привлекались к ответственности в среднем по 11 чел. в год, с введением «сухого закона» — до 42 чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 7. Л. 36].

Дефицит алкогольной продукции в магазинах существенно расширил возможности лиц, занимавшихся производством алкогольной продукции домашней выработки — вина, медовухи, браги в её различных вариантах типа «гороховки», «томатовки» и др., самогона. Данная группа лиц вносила свой вклад в идущий уже процесс разрушения советской распределительной системы. Однако этот социально-экономический результат изначально и не просчитывался реформаторской командой Горбачёва. В преддверии введения сухого закона уровень самогонарения достиг 50—70% от уровня государственной продажи алкогольной продукции [10]. Со времён окончания войны самогон не потерял своего значения, он по-прежнему оставался и средством денежного расчёта (особенно на селе как плата за различные виды работ), и способом быстрого обогащения одних и бедственного положения других семей. Но после 1985 г. самогонарением стали заниматься не только в деревнях и сёлах, но и в городах. В целом по стране в 1985 г. к ответственности за это горрайотделы ОВД привлекли 30 тыс. граждан, в 1986 г. — 150 тыс., в 1987 г. — 397 тыс. [10]. В 1987 г. более полумиллиона человек [4], как правило, за неоднократное нарушение привлекались и к уголовной ответственности. В Хабаровском крае в 1989 г. к административной ответственности по ст. «Приобретение крепких спиртных напитков домашнего изготовления» (ст. 160 КоАП) было привлечено 1239 чел., по ст. «Изготовление или хранение без цели сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки» (ст. 160.2 КоАП) — 2056 чел. [ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 33. Д. 469. Л. 18—19].

В РСФСР за 5 лет (с 1985 по 1990 г.) число привлечённых к уголовной ответственности за изготовление самогона, выросло более чем в два раза — с 49,8 тыс. до 115 тыс. чел. [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 855. Л. 74—76; Оп. 3. Д. 293. Л. 46—48]. Аналогичная картина была и на Дальнем Востоке (см. табл. 3).

На Дальнем Востоке увеличение выявленных самогонщиков в 1985—1989 гг. позволяет предположить достаточно сильное влияние антиалкогольной кампании на рост численности людей, получавших неофициальные доходы. Так, в Приморье и Хабаровском крае с 1985 по 1990 г. число привлечённых к уголовной ответственности увеличилось в 6 раз, в Амурской области — в 3,75, а на Сахалине — в 3,4 раза. Единственной областью на Дальнем Востоке, где за пять лет эти показатели изменились незначительно, была Магаданская (в 1,9 раза). Однако в ней оставалось самым высоким употребление проданных через

Таблица 3

Численность лиц, привлечённых к уголовной ответственности за изготовление, хранение и сбыт самогона в 1985—1990 гг.

	1985	1989	1990	Рост / снижение численности привлечённых лиц в 1990 г. по сравнению	
				с 1989 г., %	с 1985 г., %
Приморский край	197	1528	1187	-22,3	602
Хабаровский край	640	2910	2410	-17,2	376
Амурская область	288	1399	1080	-22,8	375
Камчатская область	192	383	353	-7,8	183
Магаданская область	225	19	430	2288,9	191
Сахалинская область	142	646	482	-25,4	339

Таблица составлена Л.А. Крушановой на основе: ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 855. Л. 74—76; Оп. 3. Д. 293. Л. 46—48.

государственную сеть алкогольных напитков на душу населения. Но точность данных официальной статистики за 1990 г. вызывает некоторые сомнения на фоне других показателей. В СССР в 1989 г. «теневые доходы», «изъятые из бюджета», составили 23 млрд руб., в 1990 г. — 35 млрд руб. [9]. В этом случае данные МВД о численности привлечённых к уголовной ответственности за изготовление, хранение и сбыт самогона на Дальнем Востоке, показавшие по сравнению с 1989 г. снижение аналогичных показателей в 1990 г., не могут свидетельствовать о снижении в целом явления самогонварения.

В некоторых посёлках и мелких городах антиалкогольная кампания сделала спиртные напитки самой «твёрдой» национальной валютой. Например, если и до 1985 г. среди населения расчёт за определённые оказанные услуги (часто слесарям-сантехникам за замену кранов, батарей радиаторного отопления, ремонт сливных бачков, прочистку сложных засоров сантехники т.д.) осуществлялся либо «бутылкой» (водки), либо «на бутылку» (5 руб.), то после 1985 г. (когда сеть магазинов, занимавшихся реализацией алкоголя, резко сократилась, а фактическая продажа спиртных напитков упала с 220 млн декалитров в 1985 г. до 123,3 млн декалитров в 1987 г. [10]) многие люди, занятые в сфере услуг и подрабатывающие в свободное от работы время «халтурой», всё чаще просили оплачивать свою работу алкоголем. Например, во Владивостоке парикмахер за две стрижки на дому мог рассчитывать на бутылку водки. В 1989 г. за сшитое на выпускной вечер платье у знакомой портной, которая через 1,5 месяца вступала в брак, родители девушки заплатили две бутылки «Советского» шампанского по 6,50 руб. и шоколадку «Алёнка» («Алёнка» также отсутствовала в свободной продаже)².

² Так рассчитывалась за шитьё платья на выпускной вечер автор статьи Л.А. Крушанова.

Однако отметим, что стрижка, маникюр, педикюр, шитьё и т.п. на дому в повседневной жизни были доступны только тем, кто находился в структуре распределительной пирамиды. В исключительных случаях (свадьба или выпускной вечер) к таким услугам прибегали обычные граждане. В жизни каждого человека таких событий немного, но в масштабах региона, республики и страны данная ситуация представляла собой громаднейший теневой рынок услуг и оборота алкоголя.

Последствия антиалкогольной кампании внесли также коррективы в структуру расходов семейных бюджетов. По сравнению с 1984 г. затраты населения на покупку алкогольных напитков в 1985 г. снизились на 5 млрд руб., а в 1987 г. — на 16,3 млрд руб., всего — более чем на 37 млрд руб. [10]. В условиях роста товарного дефицита антиалкогольная кампания оказала влияние не только на сокращение бюджетных поступлений, но и на потребление сахара, введение на него талонов, что стало спецификой периода перестройки. Со второй половины 1986 г. повсеместно возросла реализация сахара. В 1987 г. через торговую сеть было продано сверх необходимого потребления 1,4 млн т сахара, что примерно равнялось производству 140—150 млн декалитров самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликёро-водочных напитков в госторговле [10].

К числу социально-демографических последствий проведённой антиалкогольной кампании в формате горбачёвских реформ можно отнести рост смертности от сердечно-сосудистых заболеваний вследствие употребления различных спиртовых настоек из дикоросов аралии, элеутерококка, боярышника, пустырника и др., рецептура которых предусматривала применение внутрь каплями, а не бутылками (упаковка любой такой настойки из 20 флаконов по 50 мл на выходе давала 1 литр алкоголя крепостью 70 градусов и стоимостью от 7 до 8 руб.). Специалисты заговорили об увеличении количества смертей от болезней сердечно-сосудистой системы и системы кровообращения по причине употребления спиртовых настоек. Работники аптек втягивались в теневую продажу, реализуя такие настойки «по благу».

Отсутствие в свободной продаже винно-водочной продукции, а у части населения и денег на покупку самогона или водки у спекулянтов привело к ещё одному печальному итогу. В эти годы в стране резко возросла покупка спиртосодержащих и других препаратов бытового назначения (одеколонов, зубной пасты, клея БФ, кремов для обуви) для использования их не по прямому назначению. В промтоварных магазинах появились объявления: «Дешёвый одеколон отпускается с 14:00 часов. По одному флакону в руки» [4]. Во многих регионах страны возросла реализация клея БФ с 760 т в 1985 г. до 1 тыс. т в 1987 г., жидкости для очистки стёкол — соответственно с 6,5 тыс. т до 7,4 тыс. т, дихлофоса — с 115 млн до 135 млн баллонов. В 1987 г., по данным МВД СССР, произошло отравление у более, чем 44 тыс. чел., из них 11 тыс. — со смертельным исходом [10].

Кампания, начавшаяся как борьба с социальным злом, стала подобно спруту проникать во все социально-экономические сферы, связанные с алкоголем. Кроме экономических последствий — свёртывания производства сухих вин и уничтожения виноградников, уже достаточно исследованных в отечественной литературе — она повлияла на многие социальные стороны жизни общества. Эти последствия реформаторы не учитывали при разработке фактически первой социальной реформы — неотъемлемой части перестройки.

Хотя о некоторых частных положительных фактах также может идти речь. В результате принятых мер за период с 1985 по 1987 г. сократилось количество прогулов в промышленности на 36%, производительность труда повышалась ежегодно на 1%, что увеличило доходы бюджета на 9 млрд руб. Показатель смертельных исходов от несчастных случаев среди мужчин трудоспособного возраста по причине злоупотребления алкоголем снизился на 35% [10]. В целом это позволило сохранить 919,9 тыс. мужских и 463,6 тыс. женских жизней, а всего — 1383,4 тыс. чел. [15], но эти данные надо рассматривать параллельно с другими — ростом смертности от употребления алкоголя в суррогатной форме.

Антиалкогольная кампания, с одной стороны, разрушила советскую социальную систему, а с другой — всё-таки сдерживала уровень преступности. Усиление антиалкогольного законодательства в 1985—1987 гг. положительно сказалось на криминальной обстановке в стране в целом и в регионе в частности. За эти годы количество преступлений по линии уголовного розыска сократилось почти в 1,5 раза, а «пьяная» преступность — на 37,5% [10]. Аналогичная картина была и на Дальнем Востоке. Так, в 1985 г. по сравнению с 1984 г. количество зарегистрированных убийств в Приморье снизилось на 2,7%, в Амурской области — на 14,3%, Камчатской области — на 25%, в Сахалинской области — на 14,8%, умышленных тяжких телесных повреждений в Хабаровском крае — на 9,4%, Амурской области — на 15%, на Камчатке — на 34,2%, в Магаданской области — на 11%, в Сахалинской области — на 26,3% [ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 818. Л. 17—35].

Однако успех оказался временным, и в 1990—1991 гг. власть оказалась неспособной противостоять не только отдельным видам преступлений, но и преступности в целом. С 1985 по 1991 г. в дальневосточном регионе она выросла с 81 659 до 140 353 преступлений, особенно имущественных: грабежей, краж государственного, общественного имущества и личного имущества граждан (1985 г. — 30 241, 1991 г. — 108 762), — и экономических (6437 преступлений в 1985 г., 6787 — в 1990 г.) [ГА МВД РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 838. Л. 41—44; Оп. 3. Д. 225. Л. 503; Ф. 4. Оп. 2. Д. 818. Л. 17—35; 15, с. 37—38, 96—97].

Таким образом, последствия антиалкогольной кампании в дальневосточном регионе нельзя традиционно оценивать как положительные и отрицательные. Их необходимо анализировать в контексте поставлен-

ной цели и непредвиденных результатов, а также приспособления общества к ограничительным мерам. Антиалкогольная кампания превратилась в катализатор разрушения советской социальной системы на Дальнем Востоке и даже косвенно влияла на рост негативного отношения к перестройке в целом. В то же время ужесточение наказания за нарушение антиалкогольного законодательства дало некоторый временный социальный эффект. В 1985—1987 гг. с улиц исчезли пьяные, неспособные держаться на ногах, снизилась «пьяная» преступность. В семьях, где проблема пьянства стояла особенно остро, приветствовались все судебные меры, в том числе ограничение дееспособности и принудительное лечение. Но со временем значительная часть населения стала кустарно производить алкоголь, а другая — его приобретать, что разрушало монополию государства.

Антиалкогольная кампания в очередной раз усилила позиции низового звена распределительной системы — продавцов магазинов. Уже в 1989—1990 гг. кампания по борьбе со спекуляцией спиртным утратила активность, в её недрах зарождался новый слой общества — прототип мелкого предпринимательства, формирование которого власть уже не могла остановить.

Парадокс антиалкогольной кампании состоял в том, что не модернизация, а политика и традиции продолжали разрушать систему распределения — основу советских социальных отношений. Антиалкогольная кампания лишь придала ускорение процессам разрушения общества в СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алкоголь: статистика и демография. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/2483533/post100994761> (дата обращения: 03.12.2010).
2. Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России / отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. М.: ЛЕНАНД, 2008. 376 с.
3. Ващук А.С. Выход дальневосточного сообщества из социального шока военного времени // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 63—75.
4. Герчиков О. Борьба с пьянством в СССР завершилась грандиозным провалом // AIF.RU: информационный портал «Аргументы и факты». URL: <http://www.aif.ru/society/history/17952> (дата обращения: 13.08.2014).
5. Горбачёв М. Жизнь и реформы [Электронный ресурс]. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1995. URL: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_13/#3 (дата обращения: 14.08.2014).
6. Дальний Восток России: Экономическое обозрение. Приложение / под ред. д.э.н., проф. П.А. Минакира. М.: Прогресс-Комплекс Экопрос, 1993. 123 с.
7. Зинченко В.А. Пьянство — основная причина правонарушений. Алма-Ата: «Знание» КазССР, 1980. 16 с.
8. Исторические проблемы социально-политической безопасности Российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная

- политика: стратегия социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
9. История государства и права России [Электронный ресурс]: учебник для вузов / под ред. С.А. Чибиряева. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (дата обращения 7.09.2012).
 10. Кирющенко А.Г., Петрова Н.Ф. Антиалкогольная правовая политика и антиалкогольное законодательство советского государства: уроки истории и пути совершенствования. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. 121 с.
 11. Кононенко В.И. Пьянство и преступность. Киев: Политиздат Украины, 1988. 124 с.
 12. Левин Б.М. Крутой поворот: Пьянство как социальная проблема. М.: Сов. Россия, 1989. 223 с.
 13. Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л., Попов М.В. Антиалкогольные кампании и проблема пьянства в советский период: исторический аспект // DO.TELEKLINICA.RU: сайт дистанционного обучения ГБОУ ВПО УГМУ. URL: <http://do.teleclinica.ru/184737/> (дата обращения: 04.08.2014).
 14. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 31 с.
 15. Немцов А. Во власти зелёного змия // DEMOSCOPE.RU: электронный бюллетень «Демоскоп Weekiy». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0263/tema03.php> (дата обращения: 07.01.2013).
 16. Ниедре А.М. Пьянство и преступность: пер. с латыш. Рига: Лиесма, 1980. 142 с.
 17. Показатели экономического и социального положения областей дальневосточного региона за 1990 год: Стат. сб., № по каталогу 245. Петропавловск-Камчатский: Госкомстат РСФСР. Камчатское областное управление статистики. 1990. 80 с.
 18. Правда. 1988. 26 окт.
 19. Преступность и правонарушение (1990—1994). Стат. сборник. М., 1995. 126 с.
 20. Пьянство и преступность: история, проблемы / И.П. Лановенко, А.Я. Светлов, В.В. Скибицкий и др.; отв. ред. И.П. Лановенко. Киев: Наук. думка, 1989. 528 с.
 21. Сухой остаток. Как антиалкогольная кампания 80-х повлияла на экономику СССР // AIF.RU: информационный портал «Аргументы и факты». URL: <http://www.aif.ru/money/economy/1169764> (дата обращения: 13.08.2014).
 22. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. Москва: Издательский дом «Вече», 2005. 480 с.
 23. Шумилин Б.Т. Пьянство и правонарушение М.: Знание, 1980. 64 с.
 24. Юзефович Г.Я., Соколова В.Н. Где кончается пьянство: В помощь комиссиям предприятий и учреждений по борьбе с пьянством [Электронный ресурс]. Хабаровск: кн. изд-во, 1980. URL: http://alkogolunet.ru/load/sovetskaja_literatura/v_zashhitu_trezvosti/5-1-0-12 (дата обращения: 24.07.2014).
 25. Янюшкин А.Д. За пьянство — к ответу!: Правовые последствия пьянства и алкоголизма. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. 63 с.
 26. ГА МВД РФ (Главный арх. МВД РФ).
 27. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
 28. ГАСО (Гос. арх. Сахалинской области).
 29. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
 30. Текущий арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Отчёт о полевых исследованиях 2013 г.